

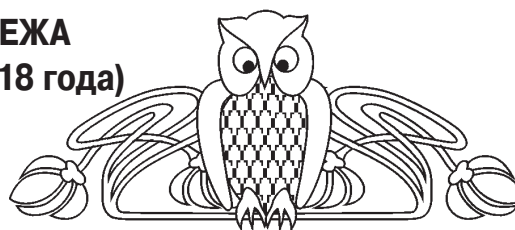

УДК 94(47).081

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ЧСНС НАКАНУНЕ МЯТЕЖА ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА (март–май 1918 года)

М. А. Васильченко

Саратовский государственный университет
E-mail: Maks-vasilchenko@mail.ru

В статье автор рассматривает проблему взаимоотношений между командованием Чехословацкого корпуса и органами советской власти по вопросу о сдаче оружия, пропуске эшелонов во Владивосток в преддверии мятежа Чехословацкого корпуса. В статье исследуется порядок формирования, механизм функционирования данной системы, основные противоречия, возникающие в ходе ее деятельности и попытки их разрешения, предпринимавшиеся в период с марта по май 1918 года.

Ключевые слова: Чехословацкий корпус, Чехословацкий национальный совет, Отделение для России, СНК, Л. Д. Троцкий.

Soviet Power and CHSNS before the Rebellion of the Czechoslovak Corps (March–May 1918)

M. A. Vasilchenko

The author considers the problem of the relationship between the command of the Czechoslovak Corps and the Soviet authorities on the delivery of weapons, skipping echelons in Beijing on the eve of the rebellion of the Czechoslovak Corps. We study the formation, operation mechanism of the system, the basic contradictions that arise in the course of its activities and attempts to resolve them, undertaken between March and May 1918.

Key words: Czechoslovak Corps, Czechoslovak national SNK, Leon Trotsky.

В последнее время в современной российской историографии отмечается всплеск научного интереса к проблематике, связанной с историей чехословацких частей в России. За последние 5 лет вышел ряд обзорных статей, повествующих об участии солдат отдельного армейского чехословацкого корпуса в российской Гражданской войне. Зачастую эти работы опираются на поверхностный фактологический материал, описывая до боли известные исторические эпизоды, такие как Челябинский инцидент, майскую телеграмму Л. Д. Троцкого, первые боевые столкновения чехов и местных Советов в Сибири. Эти работы дополняют уже существующий массив аналогичных трудов, отличающихся только методологическим подходом и позицией автора при интерпретации общеизвестных исторических событий¹.

При рассмотрении данных событий от взора исследователей ускользает один из важных аспектов этой проблематики, а именно вопрос о том, каким образом строилась система взаимоотношений между Отделением ЧСНС для России и Совнаркомом, органами Советской власти на местах по вопросу о сдаче вооружения и транспортировке легионеров до Владивостока².

Правовой аспект отношений между ЧСНС и Советской властью базировался на постановлении Совета народных комиссаров от 26 марта 1918 г. Из его содержания вытекало, что документ писался на условиях, которые первоначально выдвигали представители Отделения ЧСНС. В частности, в постановлении говорилось: «Совет Народных Комиссаров считает предложение Чехословацкого корпуса справедливым и вполне приемлемым при непременном условии немедленного продвижения эшелонов по направлению к Владивостоку и немедленному устранению контрреволюционного командного состава»³. При этом сами представители ЧСНС понимали, что перевозка более чем 55 000 человек в 70 эшелонах на расстояние 9 тыс. км было почти невозможным делом. В организации передвижения Чехословацкого корпуса Совнарком предоставлял особые полномочия Пензенскому совету. Председателю его исполкома В. В. Кураеву⁴ предписывалось «сменить всех старых комиссаров и назначить новых для сопровождения до Владивостока с тем, чтобы комиссары эти охраняли целостность чехословаков как организованного целого и систематически осведомляли Совнарком обо всех происшествиях, связанных с продвижением чехословаков»⁵.

Таким образом, Пензенский совдеп во многом стал гарантом правовой и практической реализации договора от 26 марта 1918 г. Уже вечером 26 марта 1918 г. на заседании Пензенского губернского совета в числе рассматриваемых вопросов пятым по счету стоял вопрос о выборе комиссара при Чехословацком корпусе⁶. После жарких споров представителем был назначен член местного совета С. Лукьянов, получивший специальное удостоверение (исходящий № 395/2730), в котором Пензенский совет просил «все революционные организации оказывать всяческое содействие тов. Лукьянову в деле успешного продвижения и охраны личной безопасности Чехословацких эшелонов»⁷. Также С. Лукьянов имел право бесплатного пользования телеграфом и должен был сообщать в СНК и Пензенский совет обо всех происшествиях⁸. Для проверки сдачи оружия образовывалась комиссия, куда вошли представители местного совета и представители ЧСНС, находившиеся в это время в Пензе⁹.

К моменту подписания договора части корпуса были расположены в более чем 50 эшелонах на территории от Курска до Пензы, однако

они все имели связь между собой посредством телеграфов. Так, штабс-капитан Правда доносил телеграммой в штаб 2-й дивизии Чехословацкого корпуса: «Начальнику 2 ЧСД. Ртищево. 20. Марта 16.00. прибыл с нашим эшелоном на станцию Пенза. Движение больше не ведется, пришлите Комиссара»¹⁰. В ответ на эту телеграмму уже 21 марта ЧСНС ответил сообщением: «На ваш № 185 сообщаем, что к вам выезжает уполномоченный Гавотра со станции Кирсанов. Комиссар Макса»¹¹. Подобного рода обмен телеграфными сообщениями указывает на существование достаточно устойчивой связи в Чехословацком корпусе и высокую степень дисциплинированности в информировании руководства.

Каждый эшелон, проходивший через станцию Пенза, был обязан сдать все оружие, которое не было регламентировано договором от 26 марта. Состав осматривался вышеупомянутой комиссией, которая выдавала удостоверение о том, что «чехословацкий эшелон № ... на станции Пенза возвратил Российской Советской Федеративной Республике оружие согласно договора, заключенного Советом народных комиссаров и Чехословацкими революционными войсками». В этом документе говорилось, что «Эшелон осмотрен на станции Пенза особой комиссией... и поэтому в силу указаний Совета народных комиссаров в дальнейшем следовании не подлежит ни обыскам, ни разоружению»¹².

По архивным данным, первые три чехословацких эшелона сдали оружие 28 марта 1918 г., это были первая, вторая, третья и нестроевая рота пятого полка им. Т. Г. Масарика¹³. В период с 28 марта по 9 апреля 1918 г. через Пензу прошло 19 эшелонов с личным составом пятого, восьмого, второго полков. Штабной вагон с представителями ЧСНС и штабом корпуса проследовал в эшелоне «А» 9 апреля 1918 г.¹⁴.

Всякие передвижения чешских эшелонов фиксировались представителями советской власти. Ежедневно со станции Пенза помощник коменданта Хлебушкин отправлял сведения о том, какое число эшелонов проследовало через железнодорожный узел. В частности, 28 апреля он телеграфировал: «№ 1874 за 27 апреля с.г. за станцию Пенза проследовал эшелон 1-ЧС полка в составе 24 офицеров, 600 солдат, 168 винтовок, 1 пулемета, 5 лошадей и 5 кухонь»¹⁵. Однако из этого не следовало, что все составы подвергались жесткому контролю. Так, 17 апреля в 11 часов утра через Пензу проследовал эшелон состав из «14 плацкартных и 10 крытых грузовых и 9 платформ с аэропланами, направлявшихся в Самару. Куда именно и для какой цели эшелон выявить не удалось. Сообщаем для сведения»¹⁶.

В целом к началу апреля 1918 г. сложился определенный механизм организованной сдачи оружия войсками Чехословацкого корпуса, который приводился в действие усилиями Чехословацкого национального совета и органами со-

ветской власти на местах. При этом ЧСНС в лице заместителя председателя П. Максы и секретаря Маковича, находившихся в Москве, и представителей Национального совета в Пензе Ю. Клецанда и Б. Павлу осуществляли контроль за ходом сдачи оружия, а Пензенский совет выступал посредником между чехами и местными советами. Ежедневно командиры чехословацких частей телеграфировали ЧСНС о возникших трениях с органами советской власти. Что же касается центральных властей, то в их действиях с самого начала обозначилась линия на срыв достигнутых с чехословацкой стороной договоренностей о порядке сдачи оружия войсками корпуса. Еще 3 апреля 1918 г. наркомвоенмор Л. Д. Троцкий отправил всем органам Советской власти по пути следствия Чехословацкого корпуса телеграмму, в которой им предписывалось в случае захвата легионерами подвижного состава их разоружать, а начальников эшелонов препроводить для разбирательства в Совет. По сути дела, эта телеграмма заранее обрекала чехословацкие части на насильственное разоружение, так как местные железнодорожники не могли в полной мере обеспечить потребности легионеров в подвижном составе, вследствие чего происходили захваты вагонов¹⁷.

Телеграмма Троцкого была перехвачена радиостанцией чехословацкого корпуса и стала поводом для предъявления 5 апреля 1918 г. ультиматума ЧСНС к Пензенскому совету. В его тексте подробно излагались статьи договора от 26 марта 1918 г. и все обязательства, которые выполнила чешская сторона. Указывалось, что «наши эшелоны были задержаны в Самаре и в Уфе и предъявлено им требование о полном разоружении. При этом самарский чрезвычайный комиссар Ермолаев ссылается на распоряжение наркома Троцкого, переданное ему Вознесенским. Едва начавшееся продвижение было 3 апреля опять остановлено, хотя, в постановлении Совнаркома говорилось о немедленном продвижении»¹⁸.

Неправильное истолкование телеграммы Л. Троцкого руководителям местных советов привело также к экстренному созыву заседания ЧСНС 5 апреля 1918 г., на котором было принято решение «1. Приостановить передачу оружия до окончательного выяснения вопроса о дальнейшем беспрепятственном продвижении. 2. Обратиться к Совнаркому с требованием о предоставлении Чехословацкому революционному корпусу¹⁹ таких гарантий, которые обеспечили бы вполне и действительное продвижение до Владивостока»²⁰.

Ранее, 4 апреля, в Пензенский совет пришла телеграмма за № 5017, в которой чехи просили В. Кураева разобраться в недоразумении с телеграммой Троцкого и «если бы Вы от своего имени послали совдепам по пути следования на Владивосток телеграмму с разъяснением, что по указанию Совнаркома оружие было сдано и передается всеми эшелонами именно в Пензе с оставлением за каждым эшелоном необходимого количества

оружия, о чем эшелонам выдается Пензенским советом особое удостоверение»²¹. После достаточно интенсивной переписки с ЧСНС, в которой тот выражал протест в достаточно категоричной форме, Пензенский совет предпринял все усилия для нормализации отношений. И уже 7 апреля 1918 г. в телеграмме № 5032 представители ЧСНС заявили, что они получили данные от начальников эшелонов, управляющих железными дорогами и комиссара Совнаркома Лукьянова о том, что «дальнейшее продвижение эшелонов началось и обеспечено»²². На основании этого ЧСНС отменил свое решение от 5 апреля и решил «вновь приступить к возвращению оружия в г. Пензе на прежних условиях»²³.

Однако урегулирование конфликта не означало снятия напряженности между ЧСНС и представителями Советской власти всех уровней. Существует значительное количество свидетельств о попытках повторного разоружения эшелонов представителями местных властей. Так, 13 апреля 1918 г. со станции Ртищево командир чешских эшелонов телеграфировал в Москву о том, что исполком Ртищевского железнодорожного узла на основании телеграммы В. Кураева собирается изъять 114 винтовок и 2 пулемета, предназначенных для сдачи в Пензе. Он запрашивал: «Не имея прямых распоряжений от Вас, прошу срочно ответить, выдавать ли винтовки и пулеметы и сколько патронов»²⁴. Ввиду этого ЧСНС просит разъяснения «было ли Вами выдано подобное разрешение? Во избежание могущих возникнуть недоразумений просим подобные разрешения давать только по средствам ЧСНСовета»²⁵. Аналогичный случай произошел в Златоусте спустя два дня. Там «Советская власть <...> решила обезоружить все наши эшелоны и оставить для каждого эшелона только 30 винтовок»²⁶. В этом случае ЧСНС в лице П. Максы обратился к Пензенскому совету дать разъяснения Казанскому военному округу и Златоустскому совету²⁷.

В Новониколаевске местный революционный штаб требовал «от каждого эшелона винтовки и патроны, оставляя только по 20 винтовок и 50 патронов на эшелон»²⁸.

Кроме самовольных нерегламентированных попыток разоружения, существовала еще одна, не менее важная проблема в отношениях между чехословацкими легионерами и советской стороной, а именно проблема агитации среди военнопленных, находящихся в лагерях, расположенных на территории Советской России и в эшелонах.

В Государственном архиве Пензенской области хранится значительный объем документов, повествующих о формировании и деятельности комитета военнопленных социал-демократов-интернационалистов. Первое упоминание о нем относится к 30 марта 1918 г.²⁹ Во главе организации, переформированной впоследствии в одноименную партию, встал 1 апреля 1918 г. Бранко Бауэр³⁰. Представители организации активно

налаживали связь с членами других социал-демократических организаций. Так, Зикфрид Киргауз получил разрешение от Пензенского совета на «командировку для связи между организациями С-Д партии Пензенской и Самарской губерний»³¹. Также Пензенский совет активно поощрял агитацию в чешских эшелонах. От его имени выдавались справки следующего содержания: «6 апреля 1918 года предъявитель сего тов. В. Кальбель имеет право вести агитацию среди чехословацких воинских частей, находящихся в Российской Республике»³². Эти документы выдавались за подписью и от имени заместителей председателя совета. Сам В. Кураев формально оставался не причастным к пропаганде среди чехословацких эшелонов и формированию из их личного состава интернациональных воинских частей.

В начале апреля 1918 г. под эгидой Пензенского совета стали формироваться чехословацкие части, входившие в состав Красной армии. 1 апреля 1918 г. комиссаром этого воинского формирования был назначен Карль Раушар³³, заведующим канцелярией чехословацких частей Александр Голубев³⁴, помощником секретаря А. Гаек³⁵. Адъютантом штаба был назначен О. Стучка³⁶. Каждое удостоверение сопровождалось просьбой о полном содействии вышеуказанным гражданам в их деятельности со стороны органов Советской власти.

Кроме руководящих органов, в состав организации входила группа агитаторов с целью пропаганды среди военнопленных лагерей. Они командировались «для информирования пленных в пределах Российской Республики»³⁷.

Таким образом, можно сказать, что между представителями Чехословацкого национального совета Отделения для России и органами Советской власти складывались непростые отношения весной 1918 г. Заключение договора 26 марта 1918 г. привело к формированию устойчивой системы взаимодействия по транспортировке через территорию Советской России Чехословацкого корпуса, которая смогла справиться с кризисом 5–7 апреля 1918 г. и вполне успешно функционировала до конца апреля 1918 г. Осложнила отношение на данном этапе нехватка подвижного состава, ввиду того что советские учреждения не смогли должным образом его обеспечить. Имели место случаи самовольного разоружения чехов местными советами, которые хотели увеличить запасы оружия за счет чехов и отчитаться о том, что они принимали действенное участие в борьбе с возможной контрреволюцией. Эта проблема успешно разрешалась в мае 1918 г. благодаря посредничеству Пензенского совета. Кроме того, просоветская агитация среди эшелонов, поощряемая местными исполкомами, способствовала поляризации среди личного состава Чехословацкого корпуса.

Из вышесказанного следует, что напряженность и взаимное недоверие в отношениях между

ЧСНС и местными органами Советской власти появились не одновременно, а формировались на протяжении почти двух месяцев с 26 марта по 25 мая 1918 г. (хотя чаще всего исследователи указывают на то, что именно приказ Троцкого от 25 мая стал поводом к мятежу). Многочисленные обращения представителей ЧСНС были направлены на правовое решение возникших проблем путем подачи жалоб в Пензенский совет на деятельность местных органов Советской власти и доказывали его желание решить возникшие вопросы мирным путем.

Примечания

- 1 См.: Цветков В. Ж. Легион гражданской войны // Независимое военное обозрение. 1998. № 48 (122), 18 дек. ; Салдугеев Д. В. Чехословацкий легион в России // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2005. Сер. 1. История. № 2. С. 88–98 ; Прайсман Л. Г. Чехословацкий корпус в 1918 г. // Вопросы истории. 2012. № 5. С. 75–103.
- 2 Чехословацкий национальный совет (*Československá národní rada*) возник в Париже 13 февраля 1916 г. во главе с Т. Г. Масариком. В мае 1917 г. при согласии Временного правительства произошло объединение Чешского национального комитета, возникшего в России в августе 1914 г., и ЧСНС Отделения в России в единый орган под руководством Т. Г. Масарика.
- 3 Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 25. Л. 119.
- 4 Кураев Василий Владимирович (1892—10.01.1938), советский государственный и партийный деятель. Член Коммунистической партии с 1914 г. Родился в Пензе в семье служащих. Партийную работу вёл в Петрограде и Пензе. Во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. проводил революционную работу среди солдат. После Февральской революции 1917 г. – один из организаторов Пензенского совета, редактор газеты «Голос правды». Делегат 7-й Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП (б), 1-го Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК, делегат 6-го съезда партии. После победы Октябрьской революции 1917 г. – председатель исполкома Пензенского губернского совета, секретарь губкома РКП (б). В 1918 г. участвовал в разгроме чехословацкого контрреволюционного мятежа. В годы Гражданской войны 1918–1920 г. – на военно-политической работе в Красной Армии; член РВС 4-й армии. С 1920 г. член коллегии Наркомзема, член Президиума ВСНХ, заместитель председателя одной из секций Госплана СССР. Делегат 8-го и 10-го съездов партии.
- 5 ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 25. Л. 119.
- 6 Там же. Оп. 4. Д. 3. Л. 30-32.
- 7 Там же. Оп. 1. Д. 34 Л. 447, 447 (об).
- 8 Там же.
- 9 В Пензе до 7 апреля 1918 г. находились представители ЧСНС Б. Павлу и Ю. Клецанда (ГАПО Ф. Р-2 Оп. 1. Д. 34 Л. 482).
- 10 ГАПО. Ф. Р. – 2. Оп. 4. Д. 8. Л. 672.
- 11 Там же. Л. 70.
- 12 Там же. Оп. 1. Д. 25 Л. 123.
- 13 Там же. Д. 34 Л. 463.
- 14 Удостоверение № 592 от 9 апреля 1918 г. (ГАПО. Ф. Р. – 2. Оп. 1. Д. 34. Л. 501).
- 15 ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 8. Л. 17.
- 16 Там же. Л. 41.
- 17 Там же. Л. 86.
- 18 Там же. Оп. 1. Д. 25. Л. 120-121.
- 19 Следует отметить, что в ряде телеграмм и писем представителей ЧСНС к В. Кураеву присутствует революционная риторика, к примеру, в посланиях от 30 марта и 4 апреля, однако после 7 апреля любые намеки на революционность корпуса сходят на нет и обращение «товарищ Кураев» сменяется на нейтральное «гражданин».
- 20 ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 25. Л. 121-122.
- 21 Там же. Д. 29. Л. 9.
- 22 Там же. Л. 8а.
- 23 Там же. Л. 8б.
- 24 Там же. Л. 6.
- 25 Там же.
- 26 Там же. Д. 29. Л. 10
- 27 Там же.
- 28 Там же. Л. 7.
- 29 Там же. Д. 34 Л. 456.
- 30 Там же. Л. 458.
- 31 Там же. Л. 452.
- 32 Там же. Л. 483.
- 33 Удостоверение № 591 от 1 апреля 1918 г. (ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 34 Л. 498).
- 34 Удостоверение № 563 от 18 апреля 1918 г. (ГАПО. Ф. Р-2. Оп.1. Д. 34 Л. 586).
- 35 Удостоверение от 8 апреля 1918 г. (ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 34 Л. 584).
- 36 ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 34. Л. 588.
- 37 Там же. Л. 489.